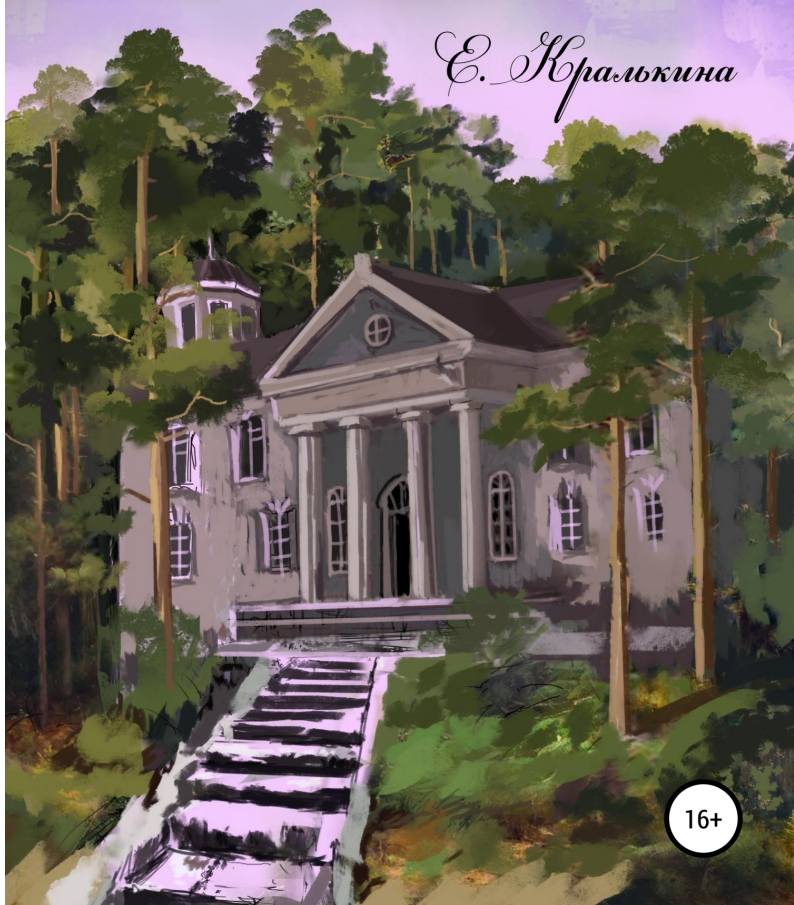

НЕМЧИНОВЫ

Е. Кралькина

16+

Елена Александровна Кралькина

Немчиновы. Часть

1: Беспокойное лето

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43029240

SelfPub; 2019

Аннотация

В Париже погибает Серж Немчинов – потомок русских эмигрантов первой волны. Его родной брат – архитектор Вадим, восстанавливающий родовое имение в Сосновске, считает, что смерть брата неслучайна. Вадим считает, что корни трагедии уходят в прошлое...

Елена Кралькина

Немчиновы

Часть I

Беспокойное лето

Два чувства дивно близки нам,

В них обретает сердце пищу:

Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам.

(На них основано от века,

По воле Бога самого,

Самостоянье человека,

Залог величия его.)

А.С. Пушкин

"Que suis-je pour elle?" ["Что я для нее?"], – подумал я
(бог знает почему) по-французски.

И.С. Тургенев

Париж. Виталий Петрович

Наступил вечер, впереди – бесконечная, бессонная ночь, тишина, одиночество, мысли и воспоминания, и еще непрекращающаяся боль в сердце. Сердце болит, но еще сильнее болит душа. В какие-то моменты кажется, что боль ушла, потом она начинает нарастать до тех пор, пока не сделается

нестерпимой, потом наступает облегчение.

Месяц назад у меня погибли старший сын Серж и невестка Луиз. Первые дни до похорон я как-то держался. Наверное, тогда я еще не мог полностью осознать, что потерял сына. Мой внук Мишель не отходил от меня ни на минуту, он все время держал меня за руку. Он даже спал со мной в одной комнате. Впрочем, это было нужно не только ему, но и мне. Все мои чувства притупились, внутри жила одна, заполняющая всего меня, боль. Как-то продолжать жить я мог, только если рядом со мной был мой дорогой плюшевый медвежонок. Наконец из России прилетел мой младший сын Вадим. Я посмотрел на его черное от горя лицо и тогда по-настоящему осознал, что трагедия действительно произошла: Серж и Луиз мертвы. На похоронах мне стало плохо. Старый друг – врач Огюст – хотел отвезти меня в госпиталь, но я категорически отказался. Если мне суждено уйти вслед за Сержем, пусть это произойдет в доме, в котором я прожил свою долгую жизнь, в моей старой спальне, которая хранит воспоминания о самых счастливых и самых несчастных днях моей жизни. Я настоял на том, чтобы остаться дома. Меня пытались навещать друзья, но Огюст категорически запретил мне общение с посторонними. Дома со мной только Вадим и Мишель, мне нужно чувствовать, что сын и внук рядом. Уже прошел месяц, как Серж оставил нас, но на душе все так же темно, все та же боль пронизывает меня насквозь. С радостью и грустью я вижу, что Мишель начинает прихо-

дить в себя. Он перезванивается с друзьями, играет на компьютере, иногда даже смеется. Вадим, как всегда, погружен в себя. Но в последние дни и он немного оживился, ходит в свое архитектурное бюро, звонит в Россию. Видимо, от горя его отвлекают дела. А мне ночь за ночью не дают покоя воспоминания. Говорят, что Бог дает человеку только те испытания, которые он может перенести. В моем случае Господь, видимо, сильно переоценил меня. Вся моя жизнь – череда бесценных подарков небес и сокрушавших меня потерь.

Я родился в состоятельной семье русских эмигрантов. Мой отец женился, будучи уже в солидном возрасте. Я стал долгожданным ребенком, все свое свободное время отец проводил со мной. Мама была рядом, как мне кажется, всегда. В детстве и юности я, конечно, не осознавал, насколько сильно люблю родителей, насколько сильно привязан к ним, насколько сильно они нужны мне. Осознал я это только тогда, когда в одночасье потерял отца. Мама не смогла пережить смерть любимого мужа и быстро ушла вслед за ним. Не знаю, как бы я пережил смерть родителей, если бы рядом со мной не было моей жены, моей Люси. Она была лучом света, осветившим мою жизнь. Красивая, веселая, добрая и самоотверженная. Мы прожили вместе почти десять лет и ни разу не поссорились. Наши друзья – французы часто спрашивали, как нам удастся сохранять свежесть чувств. Люси смеялась, она говорила, что мы нужны друг другу как воздух, а разве человек может не дышать? Помнится, Люси восхища-

лась женой русского дипломата и поэта Грибоедова, которая потеряла мужа в весьма юном возрасте, но осталась верна ему до самой смерти. Разве мог я тогда предположить, что очень скоро вспомню Нину Чавчавадзе, ее эпитафию на могиле мужа и мысленно скажу своей Люси: «Но зачем же моя любовь пережила тебя?» У Люси было больное сердце, и она скоропостижно умерла, когда Вадиму не исполнилось еще и двух лет. Я остался один, на руках у меня было двое детей. Я не знал, что делать, но Бог был милосерден, друзья нашли прекрасную няню для детей. Мадлен и ее муж Жан-Пьер не только вырастили моих сыновей, но и стали поддержкой мне. Конечно, физиология иногда брала свое, и время от времени я нуждался в женщинах, но я ни разу не привел чужую женщину в наш с Люси дом.

После смерти Люси вся моя жизнь сосредоточилась на сыновьях. Они росли хорошими ребятами. Серж стал историком, увлекся историей древних цивилизаций. Я радовался, что он нашел жену, которая разделяла с ним его увлечения. Я был бесконечно рад, когда Луиз подарила мне внука – Мишеля. В нем на старости лет я нашел свое счастье. Мишель любит меня, он с удовольствием оставался со мной, когда его родители отправлялись в неизведанные края в поисках древностей. Серж и Луиз жили счастливо, но... недолго и умерли в один день... Так зачем же моя любовь пережила вас, любимые мои дети?

Мой младший сын Вадим пошел в мать. Люси была та-

лантливый дизайнером, а Вадим стал талантливым архитектором. Вадим рос очень застенчивым мальчиком, и я очень боялся, что застенчивость помешает ему стать хорошим профессионалом. Я очень удивился, когда организованное сыном архитектурное бюро быстро приобрело известность и пошло в гору. У Вадима оказалась прекрасная деловая хватка, унаследованная, по-видимому, от моего отца. В бизнесе Вадиму везло, не повезло ему в любви. Когда Вадим познакомил меня с Жаклин, было уже поздно, я понял, что сын безнадежно влюблен в женщину, которая просто не понимает, что такое любовь. Несчастье не заставило себя ждать. Сын застал Жаклин с любовником. С детства Вадим не отличался большой коммуникабельностью, а после разрыва с Жаклин совсем ушел в себя. С тех пор его занимает только работа. Я старался вернуть Вадима к жизни, но получилось это у меня топорно. После того как я сделал несколько слишком настойчивых попыток познакомить сына с интересными, с моей точки зрения, женщинами, он отгородился от меня стеной до небес и уехал в Россию восстанавливать усадьбу прапрадеда. Сейчас мое самое большое желание – вернуть душевную близость с сыном. Мне надо достучаться до его сердца, я должен, должен разрушить стену, разделяющую нас. Вопрос, как это сделать?

Ночь за ночью не дают мне покоя и мысли, как Вадим и Мишель будут жить без меня. С сердцем у меня проблемы давно. Огюст, конечно, говорит, что у меня диагноз, а

не приговор, но уверенности в завтрашнем дне у меня нет. Сколько я еще протяну? Если я уйду вслед за Сержем, с кем тогда останется Мишель? Что делать, что предпринять? Настоять на том, чтобы Вадим вернулся в Париж и взял на себя заботу о Мишеле? Вадим согласится, он не может не согласиться. Но он так увлечен своей архитектурой, своими планами отстроить город Сосновск в России, где когда-то жили наши предки. Имею ли я право лишить Вадима дела его жизни? Отправить Мишеля с Вадимом? Наверное, это было бы правильно. Я знаю, что мои отец и дед были бы рады, если бы мы, Немчиновы, вернулись в свое родовое имение. Но что делать мне? Я не могу остаться один. Один я умру. Вадим и Мишель нужны мне как воздух. Готов ли я уехать из этого дома, от хорошо понятной и отлаженной жизни в неизвестность – не знаю. Надо думать, думать... Огюст настаивает, чтобы я пил снотворное. Но я не могу себе этого позволить. Мне кажется, что если я хоть на минуту забуду о любимом сыне, Серже, то предам его.

Утром в моей жизни наступил перелом. Огюст допустил ко мне Жан-Клода, моего хорошего знакомого, занимающего солидное положение в полиции. Жан-Клод долго выпрашивал меня о моем самочувствии, но я сразу понял, что он приехал не просто поговорить о моем здоровье и погоде, его привело ко мне что-то очень важное. Я попросил Жан-Клода перейти прямо к делу. Жан-Клод долго не мог найти нужные слова, а потом просто огорошил меня известием о том, что

Серж разбился не случайно. Тормозные шланги у его машины были с явным дефектом. Теоретически это мог быть брак производителя, но крайне маловероятно. Кто-то специально повредил тормоза и обрек сына на неминуемую смерть. Я удивился сам себе, но в тот момент, когда я услышал страшную весть, моя жизнь наполнилась смыслом. Я не могу позволить себе умереть, пока не найду убийцу сына. Я попросил Жан-Клода дать мне немного времени. Мне необходимо собраться с мыслями и продумать основные направления расследования. Я хочу принять в нем самое непосредственное участие. Жан-Клод отнесся к моей просьбе с пониманием.

Ночью я попытался серьезно поговорить с Вадимом. Я рассказал ему о результатах экспертизы состояния автомобиля Сержа. Удивительно, но мне показалось, что Вадим внутренне ожидал чего-то подобного. Я заволновался. Неужели я чего-то не знаю о моем старшем сыне? Я начал расспросы, мне нужно опереться хоть на какие-то факты. Вадим задумался и тоже попросил дать ему время подумать.

Иногда мне казалось, что Вадим и Серж немного стыдятся нашего отнюдь не скромного финансового положения, принадлежности к лучшим домам Французской Республики, принадлежности, которую мы получили благодаря не только нашему состоянию, но и дворянскому происхождению. Мои мальчики хотят добиться всего в жизни сами. Я подозреваю, что они не посвящали меня в некоторые детали своей деловой жизни. В одном я абсолютно уверен: Серж не мог сде-

лать ничего постыдного, ничего плохого.

Поздним вечером, когда Мишель уже пошел спать, Вадим пришел ко мне в кабинет.

– Папа, мне нужно рассказать тебе некоторые вещи о Серже, которых ты не знаешь. Следствие обязательно обнаружит их, поэтому будет лучше, если расскажу тебе о них я. Примерно за месяц до гибели Серж позвонил мне, он был в панике. Ты знаешь, Серж задумал организовать несколько экспедиций по следам древних цивилизаций, но Луиз не позволяла ему вкладывать слишком много своих денег в эти проекты. Она была трезвой женщиной. Так вот, не посоветовавшись ни с кем, Серж вложил деньги в какое-то сомнительное предприятие. Оно сулило очень большие дивиденды. Свободных денег у Сержа не было, поэтому он взял большой кредит в банке под залог дома. Несколько месяцев Серж получал доход, а потом предприятие исчезло, растворилось в воздухе, а кредит надо было возвращать.

Я потерял дар речи. Неужели моего сына убили из-за денег, которые я нашел бы для него без труда? Конечно, поругал бы Сержа, но я никогда не был слишком суров с сыновьями.

– Почему, почему Серж не обратился ко мне? Разве я был ему плохим отцом? Разве я был плохим отцом тебе? Почему ты сразу же не перезвонил мне? Неужели ты не понимаешь, что Сержа можно было бы спасти.

– Папа, не сердись. Я нашел деньги для Сержа, и он дол-

жен был полностью погасить кредит. Я дал ему деньги только с таким условием.

– Надеюсь, ты не ограбил банк и не связался с русской мафией.

– Нет, папа, напрасно ты иронизируешь. Тебе вредно волноваться, и, если бы я не был уверен, что ты все равно все узнаешь, я бы никогда ничего тебе не рассказал. Папа, я взял деньги в долг у Анатоля Батищева под залог моей строительной фирмы. В Сосновске очень довольны коттеджным поселком, который я построил. Я неплохо заработал. Скоро начнет строиться вторая очередь коттеджей, объявлен конкурс на проект нового микрорайона. Я обязательно выиграю конкурс, я заработаю достаточно денег, чтобы выкупить фирму. Не волнуйся, деньги я заработаю.

– Деньги ты всегда можешь взять у меня, у твоего отца, у которого, если и есть радость в жизни – так это только ты и Мишель.

– Папа, прости, но я хочу зарабатывать деньги сам. В конце концов, я уже мужчина. Обещаю тебе, что, если положение будет безвыходным, я попрошу деньги у тебя. Но мы отклонились от темы. Проблемы с деньгами у Сержа были, но мы их решили, поэтому убивать его из-за денег вроде бы резона не было. Ни о каких угрозах или финансовых требованиях он мне не говорил. Насколько я знаю, любовницы у Сержа не было, поэтому любовная версия тоже отпадает. У меня есть еще одна версия, но она фантастичная.

Ты несколько раз укорял Сержа, что он по профессии историк, но совершенно не интересуется историей нашего рода. Ты настаивал, чтобы он искал в России наследников какого-то внебрачного сына прапрадеда, которому тот что-то оставил в наследство. Вот я и думаю, вдруг Серж занялся поисками и кого-то нашел или просто рассказал о наследстве кому-то, когда приезжал ко мне в Россию. Ну а потом что-то пошло не так, как он думал, ты же знаешь, каким доверчивым был Серж.

– Вадим, Серж не знал ничего особенного о наследстве. Твой прапрадед был неглупым человеком. Он оставил завещание у своего поверенного, но там написано, что соискатель наследства должен представить не только доказательства родства с его внебрачным сыном, но и артефакты. Однако в завещании не называется ни имя внебрачного сына, ни что это за артефакты. Эти сведения старый граф завещал хранить у нас в семье старшему в роду. Я никогда никому об этом не говорил. Документ лежит у меня в сейфе. Пожалуй, пора тебе с ним ознакомиться. Документ рукописный. Некоторые места трудно разобрать, да и наши знания русского языка далеки от совершенства, поэтому еще мой отец перевел документ на французский. Тебе нужно его прочитать. Думаю, ты скоро вернешься в Сосновск. Может быть, ты случайно узнаешь что-нибудь, что прольет свет на судьбу наследника. Через четыре года исполнится сто лет со дня смерти старого графа. Согласно завещанию, если за сто лет

мы не найдем наследника, невостробованная часть наследства должна отойти нам. Мне бы не хотелось, чтобы это произошло. Единственное, о чем прошу, о чем умоляю, Вадим, – будь осторожен.

– Папа, я уеду в Сосновск, только если буду уверен, что ты выздоровел. Если ты будешь болеть, кто будет следить за Мишелем?

– Вадим, я все обдумал. Мишеля ты должен взять с собой. Это твой долг перед памятью брата. Я чувствую себя вполне удовлетворительно. Мой долг – расследовать смерть Сержа, и я его выполню, если, конечно, Господь даст мне на это силы. Любое расследование сопряжено с опасностью, я смертельно боюсь за Мишеля. Я не верю, что убийство Сержа связано с наследством, мне кажется, что в России ему будет безопаснее.

– Папа, я не могу, я не знаю, как себя вести с Мишелем. Мы месяц прожили с ним в одном доме и ни разу не поговорили. Потом я не уверен, что в Сосновске безопасно. У меня очень странные чувства. Там, в имении, я чувствую себя дома, я чувствую, что нахожусь в том месте, где должен быть, но иногда мне кажется, что где-то что-то не так. Ничего плохого не происходит, но иногда мне страшно. Я даже картину нарисовал, где все в природе дышит опасностью. Умом я понимаю, что мне ничто не угрожает, во всяком случае, пока я не подготовил новый проект, но иррационально... – мне бывает не по себе.

– Ты опять рисуешь?

– Да, папа, Жаклин мне отвратительна, я почти забыл ее, поэтому вернулся к старым занятиям и вполне способен получать от жизни радости, которые нужны мне.

– Которые нужны тебе, а не мне. Я тебя правильно понял?

– Папа, не будем ссориться, я сказал, что сказал.

– Хорошо, вернемся к Мишелю. Думаю, завтра или послезавтра вы должны уехать. Расследование не ждет, я и так провалялся слишком долго. Я уже предупредил Мадлен и Жан-Пьера. Когда умерла твоя мать, Сержу было семь лет, а тебе еще не исполнилось два года. Ты думаешь, я знал, что с вами делать? К тому же у меня тогда рассудок помутился от горя.

– Мне всегда казалось, что ты все твердо знаешь.

– Не будь дураком. Я часто понятия не имел, что делать и слишком часто ошибался. Наши отношения – яркий тому пример. Но вернемся к Мишелю. Я все продумал. На лето тебе надо нанять учителей для племянника по русскому языку и математике. Мишеля надо подготовить к русской школе, кто знает, какие у них там требования. Желательно, чтобы учителя жили в имении, ты можешь доплатить им, чтобы они целый день присматривали за ребенком. К тому же у тебя есть Мадлен.

– Ты хочешь, чтобы Мишель ходил в русскую школу? Ты хочешь отправить его в Сосновск так надолго? Учителя сведут меня с ума. Мне нужен покой, чтобы хорошо работать.

– У тебя огромный дом, там всегда можно найти уединенное место. Звони Игорю, чтобы он начал поиск учителей. Чем быстрее он их найдет, тем легче и спокойнее тебе будет.

– Папа, хорошо, я сделаю все так, как ты хочешь, главное, чтобы это не стало еще одной нашей общей большой ошибкой.

Вадим пожелал мне спокойной ночи и ушел. Я прекрасно понимал его опасения. Он еще не понял, что жизнь всегда посылает нам то, что на самом деле нам нужнее всего.

Вадим и Мишель уехали. Мишель был очень испуган и едва сдерживал слезы. Я даже засомневался, правильно ли делаю, что отсылаю его от себя. Пришлось напомнить себе, что меня ждет расследование. Примерно через час после того, как я распрощался с близкими, ко мне приехал Жан-Клод. Я передал ему всю информацию, которую мне рассказал Вадим. Жан-Клод взял на себя версию о финансовых проблемах Сержа. Я пообещал опросить всех друзей и знакомых Сержа, может быть, кто-то заметил что-то необычное в его поведении перед смертью и всплывет еще какая-нибудь версия, о которой мы не подозреваем. Жан-Клод пообещал выделить мне помощника. Версия с наследством показалась ему фантастичной, так же, как и нам с Вадимом, но ее тоже следовало отработать. Жан-Клод вспомнил, что во французском отделении Интерпола сейчас работает один очень способный русский, который родом вроде как из Сосновска. Жан-Клод обещал это уточнить. Кандидатура русского по-

казалась мне удачной. Я заверил Жан-Клода, что готов финансировать поиск русского следа сам.

Сосновск. Валентина

Учебный год наконец-то подошел к концу. Остался только выпускной, и еще одно поколение жертв ЕГЭ должно уйти из школы в большую жизнь. Я, Валентина Васильевна Левашова, маленькая женщина 28 лет с заурядной внешностью, преподаю в школе математику и физику. Надо сказать, что делаю я это по зову сердца. Я действительно люблю свои предметы и стараюсь увлечь ребят романтикой научного поиска. Я вдохновенно рассказываю ребятам об Архимеде, Галилее, Ломоносове, Эйнштейне, пытаюсь донести до них красоту величественного здания Науки, которое построено усилиями гениев и многих неизвестных, но, тем не менее, замечательных ученых. Случается, я увлекаюсь и воспаряю к невиданным высотам, откуда больно падаю, подстреленная выпущенными из рогатки бумажными шариками или гомерическим смехом рассматривающих порнуху учеников. Душевную радость и удовлетворение я получаю только на занятиях своего физико-математического кружка, который посещают личности, считающиеся окружающими ненормальными. Мы вместе решаем интересные задачки, не просто решаем, а наслаждаемся поиском решений, пытаемся найти и находим проявление фундаментальных физических законов в окружающем нас мире. Конечно, «ненормальных» личностей ма-

ло, но ради них стоит жить и работать. Звучит несколько пафосно, но таков уж наш Век. Все хорошее принято высмеивать, а плохим – гордиться.

Конец учебного года сулит радости – целых два месяца отпуска, но и приносит проблемы – где этот отпуск провести. В наше время найти, куда податься летом, – проще простого. Откроешь Интернет – и сразу миллионы предложений, причем одно другого заманчивее. Остается только вопрос – где взять денег? Зарплата учителя, работающего на полторы ставки, не предполагает поездок на красивые курорты. Ими мы можем любоваться только по телевизору. Конечно, всегда есть возможность поехать в лагерь вожатой, но какой это отдых, та же работа. В этом году можно еще поехать в пансионат по льготной путевке. Ее предложил мне мой коллега из соседней школы и по совместительству мой бывший жених и почти муж. Я в свое время, слава Богу, сумела соскочить, а то сейчас тащила бы на своих плечах кроме своих проблем еще и проблемы вечно недовольного жизнью Ваньки. Отдых в пансионате почему-то кажется мне пенсионерским и не вызывает теплых чувств, тем более что туда собирается Ванька. Просто так сидеть в нашем городе, дышать пылью и ничего не делать тоже не улыбается. Наилучшее на сегодняшний день предложение поступило от моей подруги Светки. Она преподает в нашей школе русский и литературу. Светка в отличие от меня обладает канонической внешностью блондинки с голубыми глазами и находится в поис-

ке Принца, желательно по совместительству олигарха. Работой она особенно не заморачивается, хотя предмет свой знает на шесть с плюсом. Среди ее многочисленных знакомых и поклонников оказался помощник нашей местной знаменитости – Немчинова Вадима Витальевича – владельца строительной фирмы и талантливого архитектора. То, что Немчинов талантлив, мне совершенно очевидно. Мои знакомые живут в спроектированном и построенном им коттеджном поселке. Мало того, что жилье очень удобное, оно еще красивое и, я бы сказала, благородное. Было время, когда Немчинова часто приглашали на наше местное телевидение, но ничего хорошего из этого не вышло. Немчинов – категорически некоммуникабелен.

Как выяснилось, к Немчинову приехал из Франции племянник, который с сентября должен будет пойти в нашу российскую школу. За лето необходимо привести в соответствие его знания с требуемыми у нас. На лето нужны учителя русского языка, литературы и математики, желательно с проживанием в пригородной усадьбе Немчинова. Оплата предполагается в размере двух тысяч евро в месяц. Для меня это запредельные деньги. На заработанные деньги я смогу съездить в Италию и Францию, о чем страстно мечтаю. Кроме того, если экономить, может остаться еще и на скромную шубку. Я представила себя входящую в нашу школу в скромной, но красивой и элегантной шубе, завистливые взгляды нашей мымы – завуча – и восхищенные – учеников. Вы-

глядит заманчиво. Я посмотрела в Яндексe местоположение усадьбы Немчинова и сказала Светке, что согласна. Усадьба располагается в сосновом бору на берегу речки Сосновки. Что еще надо простой российской училке. Светка тоже склоняется принять предложение. Правда, по другой причине. Как я поняла, помощник Немчинова обладает выдающимися внешними данными. Неудивительно, что Светка почти влюбилась. Почти, со смехом говорит Светка, потому что до настоящего момента она не получила достаточного подтверждения прочности его материального положения.

Для предварительного разговора мы со Светкой встретились с Игорем, помощником Немчинова, в нашем любимом кафе, где готовят умопомрачительные десерты. Игорь действительно красив и галантен. Он поцеловал нас обеим руки и рассыпался комплиментами. Светка всю кокетничала, а я с интересом наблюдала за Светкой и Игорем со стороны. Роли любовных взаимоотношений каждой из сторон исполнялись строго в соответствии со сценарием и с очевидным блеском. Меня удручало только то, что каждый следующий пункт программы был заранее известен. Мне так было бы неинтересно. Интересным было то, что Игорь рассказал о Немчинове. Я краем уха раньше слышала эту историю, но особенно не вникала. История не мой конек. Немчинов происходит из богатой дворянской семьи. Загородная усадьба, в которой сейчас живет Немчинов, когда-то принадлежала его предкам. Много лет назад, еще до революции, в семье

произошло несчастье – трагически погибла младшая любимая дочь пращура Немчинова. Чтобы как-то пережить горе, родители со старшими детьми уехали во Францию. Там их застала революция. В средствах семейство стеснено не было, Немчиновы вписались в заграничную жизнь и за прошедшее время значительно преумножили свои активы. До Вадима Витальевича никто из семьи в России не бывал. После возвращения в нашу страну капитализма отец Немчинова настоял, чтобы один из его сыновей поехал в Россию и, если удастся, выкупил и восстановил родовое гнездо. Вадим Витальевич поехал и с блеском исполнил пожелание отца. Более того, он преуспел в России и как архитектор, и как бизнесмен. Единственное, что не удалось Немчинову, – это устройство его собственной личной жизни. Ни жены, ни любовницы у него нет. Вадим Витальевич ведет замкнутый образ жизни и не делает никаких попыток сблизиться с кем-то из женщин. Отец Немчинова крайне недоволен отсутствием внуков, но сам Вадим Витальевич от отсутствия детей совершенно не страдает. Месяц назад во Франции случилось несчастье – старший брат Немчинова и его жена погибли в ДТП. Сиротой остался их сын Миша. По неизвестной окружающим причине дед решил отправить Мишу к своему младшему сыну в Россию. Вадима Витальевича решение отца поставило в полный тупик, он не знает, категорически не понимает, как общаться с ребенком. В связи с этим большие надежды возлагаются на нас со Светкой. Игорь пообещал,

что первоначально объявленное вознаграждение может быть увеличено, если мы сумеем наладить контакт с Мишей.

Рассказ Игоря еще раз убедил меня в необходимости согласиться на предложение Немчинова. В свое время мои родители тоже погибли в автомобильной катастрофе. Я очень хорошо знаю, что такое в один день потерять все. Правда, в то время у меня была еще жива бабушка, которая стала мне и мамой, и папой. Бедный Миша, по-видимому, совсем не нужен родственникам.

Франция. Николай

Какими дураками мы были в начале перестройки. Нам казалось, что заграница – это рай на земле, особенно Франция. «Увидеть Париж и умереть» – так думали почти все. Сколько сил я потратил на то, чтобы попасть в Интерпол и получить назначение сначала на стажировку, а затем и на работу во Франции. Как же я клянусь себя сейчас. Как мне здесь все надоело, обрыдло, опротивело и т.д. и т.п., особенно толерантность. Мне вообще непонятно, как в стране трех мушкетеров может считаться неприличным набить морду подлецу, унижающему женщину. Достали меня и заборы, стоящие вдоль дороги, захочешь на природе воздухом подышать, жди площадки отдыха. То ли дело у нас. Пусть дороги похуже, но выйдешь из машины, где хочешь, красота, воздух, птички щебечут.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. В Париже в

ДТП погибли сын и невестка известного французского юриста Немчинова Виталия Петровича, русского по происхождению. Надо же так случиться, что его прадед или прапрадед жил в имении рядом с нашим городом. Я даже развалины усадьбы помню. Меня вызвало начальство и поручило проверить, случайным было ДТП или нет, а если нет, то выяснить, нет ли там русского следа. Я машину проверил, тормозные шланги – в хлам. Сами собой они такими не становятся. Значит, не просто так мужик в ДТП погиб, кому-то дорогу перешел. Переговорил с Виталием Петровичем, он мне прямо мексиканский сериал для дамочек рассказал. Тут тебе и внебрачный ребенок, и наследство, и какие-то артефакты. Самое интересное, что наследство, причем солидное, оказывается, до сих пор наследника ждет. Не за такие денежки убивают! Виталий Петрович мне фотографию погибшего сына показал, кого-то он мне напомнил, но кого, вспомнить никак не могу.

Оказывается, младший сын Виталия Петровича Вадим уже почти два года живет у нас в городе. Он архитектор, семейную усадьбу восстановил и сейчас занимается строительным бизнесом. Виталий Петрович после смерти старшего сына Сергея сейчас же отправил внука-сироту к младшему, в Россию, думал, что у нас безопасно. А теперь сильно сомневается, что правильно поступил, не находит себе места и страшно волнуется и за сына, и за внука. Виталий Петрович нажал на все кнопки, в частности, на мое начальство, чтобы

ДТП было расследовано самым детальным образом. Вот, не прошло и двух месяцев со смерти Сергея, как меня решили отправить в наш город искать русский след. При встрече Виталий Петрович особо подчеркнул, что все непредусмотренные официальным расследованием расходы берет на себя. Кроме поиска виновных, Виталий Петрович просил меня, во-первых, организовать надлежащую охрану его сына и внука, а во-вторых, найти неизвестного наследника довольно внушительного состояния. Где наша не пропадала! Я отказываться не стал, быстро собрал манатки, и моя подружка Мари – Манька, как я ее зову, отвезла меня в аэропорт. Манька тоже работает в Интерполе. Ее кумир – Барбара Хейверс из детективов Элизабет Джордж. Манька, так же как и Барбара, носит только удобную одежду и обожает футболки с провокативными надписями. Гламур она ненавидит. Специально для меня она заказала футболку с надписью: «Ненавижу санкции, Люблю Россию». Но есть вещи, в которых Манька сильно отличается от Барбары. Манька любит покувыркаться в постели. Я считаю это отличие сугубо положительным. Вместе мы провели довольно много приятных минут. Правда, связывать себя семейными узами моя любовь не хочет. Лучшее всего Манька чувствует себя, когда адреналин зашкаливает. Как только я при первой встрече посмотрел в ее сторону и Манька прочла в моем взгляде интерес, она сразу же поставила меня в известность, что семейная жизнь не для нее. Маньке дома скучно.

История, рассказанная Виталием Петровичем, показалась Маньке интересной, и она, согласовав все с начальством, взялась расследовать французскую часть трагедии. Меня это радует еще и потому, что это означает, что наш роман продолжается. В аэропорту Манька поцеловала меня на прощанье и сказала что-то, что я перевел для себя так: «До встречи в твоём Мухосранске». Я почувствовал себя счастливым.

Сосновск. Валентина

Как только отгремел выпускной, за нами со Светкой заехал Игорь, и мы отправились в усадьбу. Стоял конец июня, солнце радостно светило, на все лады пели птицы. На душе было легко и приятно – впереди два месяца отдыха. Подъезжая к имению Немчинова, я с удовлетворением увидела, что окрестные места очень красивые. Усадьба, теряющаяся в высоких соснах, стоит на высоком берегу Сосновки, к воде от нее спускается белая лестница. У подножья лестницы у воды виден прекрасный песчаный пляж, который прямо-таки зазывает искупаться. Хорошего качества дорога ведет к воротам. Игорь посигналил, из будки вышел охранник, удостоверился, что за рулем сидит известный ему человек, и открыл шлагбаум. На машине мы подъехали прямо к парадному входу в дом. Архитектура дома оказалась типичной для богатых усадеб XIX века. По-видимому, Немчинов решил сохранить внешний облик дома без изменений, хотя заметно, что работы по реставрации усадьбы были проделаны

огромные. Фасад дома тщательно оштукатурен и покрашен, дверные ручки, водосточные трубы, будучи, по-видимому, новоделом, специально состарены.

Навстречу нам вышла строгая дама слегка за тридцать, представившаяся Варварой Петровной, домоправительницей. Варвара Петровна соблюдала офисный дресс-код. Больше всего нас со Светкой поразило то, что Варвара Петровна была на высоченных каблуках. Мы со Светкой были в балетках. Варвара Петровна презрительно посмотрела на наши джинсы и легкомысленные футболки и с видимым неудовольствием сообщила, что Вадим Витальевич с племянником ожидают нас в гостиной. Игорь вызвался проводить нас. Внутри дом оказался огромным. Я ожидала увидеть позолоту и роскошь, которую, к слову сказать, терпеть не могу. Однако была приятно удивлена, можно сказать, восхищена интерьером. Гостиная, казалось, была наполнена воздухом и солнцем. Огромные окна выходили на лужайку, по бокам которой были высажены яркие цветы. Сзади лужайки шумели сосны, за ними была видна излучина реки. Мебель, с одной стороны, была простой, а с другой – очень добротной и красивой. Немножко ретро, но только чуть-чуть.

Дядя и племянник располагались в противоположных частях комнаты и сидели, каждый уткнувшись в свой компьютер. При нашем появлении Немчиновы встали. Старший сделал шаг навстречу, по-видимому, хотел пожать нам руки (о поцелуе речь, естественно, не шла), но передумал. Про себя

я подумала, что Немчинов, по-видимому, как Ниро Вульф, избегает тактильных контактов с окружающими, особенно с женщинами. Эта мысль меня позабавила и немножко скрасила мое впечатление от Вадима Витальевича. Игорь представил нас хозяину дома. Немчинов сразу перешел к делу. Он поставил нас в известность, что нам вменяется в обязанность каждый день по полтора часа заниматься с его племянником. Цель занятий – оценить Мишины знания и, если необходимо, подготовить его к обучению в российской школе. В остальное время мы можем делать что хотим, правда, Немчинов отметил, что будет нам весьма благодарен, в денежном эквиваленте, естественно, если мы присмотрим за племянником в наше нерабочее время. Нам запрещалось выходить с Мишей за пределы территории усадьбы и подходить с Мишей к реке без личного разрешения дяди. По всем возникающим вопросам Немчинов повелел обращаться только к нему и продиктовал номер своего сотового. Далее Немчинов разъяснил условия контракта: озвучил сумму нашего вознаграждения за работу, проинформировал, что мы являемся его гостями, и назвал время, когда в его доме подают завтрак, обед и ужин. Из лаконичной речи я поняла, что кормить нас будут в столовой, а не на кухне. На этом церемония знакомства закончилась. Я с ужасом посмотрела на Мишу. Невооруженным глазом было видно, что ребенок напуган, смертельно боится нас и не ждет от жизни ничего хорошего. Немчинов даже не подумал познакомить нас с племянником.

Я ужасно разозлилась. Вести себя так с детьми совершенно непозволительно. Поэтому я не откликнулась на предложение Немчинова последовать за домоправительницей в наши апартаменты, а решила задать несколько вопросов на за-сыпку. Во-первых, я попросила Немчинова представить нам племянника, во-вторых, задала вопросы, чем Миша интересуется, любит ли он гулять и часто ли они выходят гулять за пределы усадьбы. Я поняла, что Немчинов ошарашен моими вопросами и не знает, что отвечать. Думаю, что поинтересоваться вкусами Миши ему просто не приходило в голову. Светка пнула меня в бок и пролепетала, что на мои вопросы мы будем искать ответы постепенно. Немчинов выдохнул и кивнул Светке, по-моему, он здорово на меня разозлился. Я тем не менее попросила, чтобы не домоправительница, а Миша проводил нас в наши комнаты, а затем познакомил нас с усадьбой. Бедный ребенок с радостью согласился, по-моему, чем дальше от дяди, тем для него было лучше.

Наши со Светкой апартаменты были выше всяких похвал – пятизвездочный отель отдыхает. В санузле и у меня, и у Светки были настоящие джакузи. До этого я видела такие ванны только в магазине. Светка, конечно, мне выговорила за то, что я пристала к Немчинову с вопросами. Ребенка ей было жалко, но рисковать возможностью провести отпуск в такой красоте Светке не улыбалось.

Я быстро умылась и уже через десять минут в сопровождении Миши пошла осматривать дом. Это было что-то.

Классная комната была оборудована всем, чем только можно. Здесь были и доска, и компьютер с огромным монитором, и проектор. Единственное, чего там явно не хватало, — это рабочего беспорядка, детских рисунков и легкомыслия.

Столовая поразила меня размерами. Все было таким красивым, что дух захватывало. Большой стол, свечи в подсвечниках, огромная хрустальная люстра. В библиотеке стояли шкафы с книгами, диван, кресла и стол для работы. Я посмотрела на корешки книг — большинство было на французском языке, было много книг по архитектуре, истории живописи. К большому сожалению, моих любимых детективов и детских книг не было. Еще Миша показал мне дверь в кабинет дяди, но предупредил, что Немчинов не любит, когда кто-то посягает на его одиночество. Сам Миша был в кабинете всего дважды. Кроме кабинета у Немчинова была мастерская в мансарде, но туда вообще никого не пускали. Запрет на посещение мастерской был очень строгим. Зато на кухне нам обрадовались. Готовили еду в усадьбе муж и жена — Жан-Пьер и Мадлен, всю свою жизнь прожившие рядом с Немчиновыми. Мадлен была няней Миши, его погибшего отца и Вадима Витальевича. В последнее время здоровье Мадлен оставляло желать лучшего, и врачи посоветовали ей пожить на природе. Лучшего места, чем имение Немчиновых найти было трудно, и Жан-Пьер с Мадлен приехали в Россию. Своих детей у них нет, поэтому вся любовь супругов изливается на племянника и дядю. Мало того, что Жан-

Пьер и Мадлен разулыбались, увидев нас, они сейчас же выдали нам по миске клубники с сахарным песком и взбитыми сливками.

Территория усадьбы была очень большой, мы с Мишей гуляли до самого ужина. Миша оказался типичным домашним ребенком. Я узнала, что он очень любит рисовать, играть в шахматы и читать. Я старалась сделать наше общение как можно более непринужденным, но глаза у мальчика не перестали быть настороженными.

На ужин мы со Светкой решили надеть платья, кто их знает, какой у них здесь принят дресс-код. Немчинов наших стараний соответствовать не оценил. Он ни разу не поднял глаз от тарелки, быстро поел и, извинившись, ушел в кабинет работать. Зато Игорь весь ужин рассыпался в комплиментах. Еда была очень вкусной, я бы даже сказала, изысканной. Светка закатывала глаза от удовольствия. Они с Игорем после ужина решили прогуляться, а мы с Мишей – сыграть партию в шахматы. Я, конечно, умею играть, то есть знаю, что первый ход надо делать e2-e4, но особенно шахматами не увлекаюсь. Надо сказать, что мне потребовалось собрать весь мой умишко в кулак, чтобы сразу не проиграть Мише, это было бы педагогически неверно. Я надеялась свести игру в ничью, но Миша, видимо, устал и «зевнул» коня. Выигрывать у мальчишки мне тоже не хотелось, поэтому я намеренно не делала смертельные для него ходы. Положение спас Немчинов. Он вошел в библиотеку, удивленно спросил

у племянника: «Ты что, умеешь играть в шахматы?». А затем строго произнес: «22:00 – тебе пора спать». Миша огорчился, но я протянула ему руку: «Давай согласимся на ничью». Миша обрадовался, он давно понял, что его положение проигрышное. Потом Миша пожелал нам спокойной ночи и ушел. Я хотела тоже быстро ретироваться, но Немчинов меня задержал.

– У вас же была выигрышная позиция, почему вы предложили ничью? Миша – мужчина, и он должен уметь проигрывать.

– С одной стороны, вы правы. С другой – Миша – ребенок, а играл не со сверстниками, а со взрослым человеком. Разумно дать ему некоторую фору. У него и так неприятностей в жизни хватает, ребенку нужны положительные эмоции.

– Вы настолько сердобольны?

– Когда мне было 14 лет, мои родители погибли в автомобильной катастрофе. Я все очень хорошо помню. У меня тогда была жива бабушка, которая стала мне и мамой, и папой, а Миша один среди чужих людей, так как вас, простите, близким человеком назвать трудно.

– Извините, – буркнул Немчинов, повернулся и быстро ушел.

Москва. Николай

По прилете в Москву я не смог сразу же уехать домой. Начальство долго полоскало мне мозги. Мне припомнили все

мои огрехи, даже существующие только в воображении начальников. Я тоскливо слушал, временами хотелось подать рапорт и податься в участковые. Никому ничего не должен, пасешь местных алкоголиков и разбираешь, кто кого стукнул сковородкой – жена мужа или наоборот. Я уже даже Маньке во Францию позвонил и обсудил с ней такую перспективу. Манька долго смеялась.

Через три дня оказалось, что все, что было раньше, – это профилактическая работа с ценными кадрами. Я получил серьезное задание. Используя мои давние связи, мне вменялось в обязанность прощупать ситуацию в родном городе и попытаться разобраться в сложных взаимоотношениях нашего мэра с начальником его охраны Недельским. Оказывается, мэр неоднократно просил помощи у силовых структур. Недельский его достал! Дополнительно я должен был выполнить задание Немчинова-старшего, работая под видом частного детектива. С городскими силовыми структурами мне приказано было дела не иметь. Я получил несколько контактов с личной «гвардией» губернатора и контакт с главой охраны Немчинова-младшего. По отзывам Павел Смирнов был честным офицером, прошел Чечню, был тяжело ранен, нуждался в длительной реабилитации на свежем воздухе, потому и работал в охране усадьбы новоиспеченного барина. В порочащих связях замечен не был. Ну хоть что-то, а то один – против мэра и его охраны! Курам на смех! Естественно, мне было приказано не зарываться, а просто искать и сли-

вать информацию туда, где ее смогут правильно оценить и принять единственно верное решение, как действовать.

Наконец я отбыл в родной город. Он, конечно, изменился за годы моего отсутствия, но не очень сильно. Я решил, что после многочисленных ЦУ, полученных в Москве, моя голова нуждается в отдыхе, поэтому первым делом я поехал к моему большому другу Володе Ерофееву, который работает лесником. Никогда не считал себя сентиментальным, но, когда мы с Вовкой обнялись, чуть слезу не пустил. До чего же хорошо дома! Мы с Вовкой и в баньке попарились, и шашлычков поели, и на рыбалку съездили. Кайф!

Вовка рассказал мне последние новости. Оказывается, год назад в город приехал перец, который устроился работать учителем математики в соседнюю с нашей школу. На морду он красавец писанный, а по характеру – гнилой. Так вот наша умница-разумница Валька Левашова, которую мы с Вовкой своей сестрой считаем, возьми да и влюбись в него. Даже больше, замуж за него собралась, правда, до ЗАГСа не добралась, раскусила и выгнала гада. Перцу у Вальки очень понравилось, так он после того, как ему на дверь указали, преследовать Вальку начал, она из дома боялась выйти. Вовке это Валькина соседка тетя Зина рассказала. Вовке пришлось объяснить перцу, что он не прав. Без рукоприкладства не обошлось, перцы русского языка не понимают. Я взял на заметку, встречу гада – поговорю по душам, поучу уму-разуму. Обидеть Вальку – это все равно что мне в душу плю-

нута. Самое ужасное, что сейчас Валька вместе со своей подругой Светкой находится в имении Немчинова-младшего. Девчонки подрядились готовить племянника архитектора к школе. Я понял, что должен срочно начать разбираться с проблемами Немчиновых, девчонкам может грозить реальная опасность. Пришлось уехать от Вовки быстрее, чем предполагал, так как у меня было еще одно неотложное дело, которое я должен был сделать, прежде чем начну работать. Целых два года я не видел отца и мать.

Последний раз, когда я был в Сосновске, я прикупил родителям развалюху в деревне, чтобы они могли летом возиться в огороде. Отец на радостях выпил, хотя клятвенно обещал мне не пить, мы сильно поссорились, и я уехал, хлопнув дверью. Мать мне, конечно, писала, что отец больше не пьет, но я сильно сомневался в этом. Я боялся ехать к родителям, боялся убедиться, что я прав. После Вовкиного рассказа о Вальке время стало поджимать, поэтому откладывать поездку к родителям больше было нельзя.

Родители меня не ждали. Я застал их за будничными делами. Надо сказать, что за прошедшие два года они совсем не постарели, даже помолодели, особенно батя. Может быть, действительно он бросил пить. Домик из развалюхи превратился в довольно пристойное жилье, у отца золотые руки. В саду благоухали цветы, а в огороде чего только не росло. Отец соорудил целую систему орошения, которая сильно сэкономила мамины силы. Еще у родителей появились ку-

ры, которые жили в утепленном курятнике. Чего я совсем не ожидал, так это того, что родители завели козу. Мама сразу же угостила меня козьим молоком. Я и забыл его вкус. Как я понял, родители теперь жили в деревне и зимой. Я периодически посылал матери деньги, но, по-видимому, она их не тратила. Родители ходили в той же одежде, что и два года назад, а еда в основном была своя. Я внутренне разозлился, но начинать встречу со ссоры не стал.

Мать сразу же собрала на стол, напекла моих любимых блинов. Какого только варенья у нее не было! За столом мама поинтересовалась, не появилась ли у меня девушка, не собираюсь ли жениться. Я показал фотографию Мани, признался, что это моя любимая коллега, но жениться не собираюсь, так как коллега пока не хочет. Мама посокрушалась, что никак не дождется внуков, и весь вечер говорила бы на эту тему, если бы ее не перебил отец. Он рассказал, что наверху вроде принято решение восстанавливать завод, который загнулся в перестройку. К нему уже приходили, зондировали почву, вернется он на завод или нет. А отец сомневается – здесь хозяйство, вроде жизнь устаканилась, а с другой стороны – завод по ночам снится.

– Надо возвращаться на завод, – твердо сказал я. – А с хозяйством что-нибудь придумаем. На самом деле я уже придумал, только говорить не стал, надо сначала осмотреться.

Имение Немчиновых. Валентина

Мы договорились со Светкой, что каждый день будем ме-

няться. Один день утренние часы будут у меня, другой – у нее. На следующий день утром Светка попросила дать ей возможность позаниматься с Мишей первой. Немчинов выдал небольшой аванс, и ей хотелось уехать с Игорем в город прошвырнуться по магазинам. Я тратить деньги на ерунду не собиралась, поэтому легко согласилась. Утром после завтрака я побежала на речку. Вода была замечательная – чистая, прохладная, она ласкала тело. Вдоволь наплававшись, я немножко позагорала. Солнце было то, что надо. Грело, но не обжигало. Благодать, одним словом. Немного заранее я подошла к классной комнате. Светка только что закончила урок, и Миша получил заслуженные полчаса отдыха.

– Ну как? – спросила я.

– Все нормально – ответила оптимистка Светка. Всего 43 ошибки в диктанте. Некоторые наши с тобой бойцы в школе умудряются сделать и по 60. Так что есть чему радоваться. И по литературе про Пушкина слышал, даже про кота ученого две строчки прочитал.

Я на первую неделю занятий не ставила себя целей начать систематическое обучение Миши. Я хотела протестировать его знания и постараться заинтересовать его предметом. Поэтому я начала с примера для 2-го класса, который наделал много шума в Интернете: $2 + 6 : (1 + 2) - 3$.

Я рассказала, что в интернете существуют две партии. Одна считает, что в ответе получается – 1, а другая – 7. Ты за кого?

– Валентина Васильевна, – обиделся Миша, – я же не совсем дурак, в диктанте я, конечно, сделал 43 ошибки, но я же учился во французской школе, там русский язык не учат, я только дома дополнительно с учительницей занимался, а математике нас в школе хорошо учили. Поэтому я точно знаю, что ответ – 1.

– Молодец! А вот картину Николая Петровича Богданова-Бельского «Устный счет», спорим, ты никогда не видел.

– А разве бывают картины по математике? – удивился Миша.

Я показала Мише картину, рассказала, что Богданов-Бельский изобразил урок математики в народной школе, организованной в родной деревне под Смоленском профессором Московского университета Сергеем Александровичем Рачинским. Смотри, какой пример задал ребятам для устного счета Сергей Александрович. Я написала на доске:

– Неужели это надо посчитать в уме, без калькулятора? – испугался Миша.

– А давай попробуем сначала угадать ответ – предложила я. – Как ты думаешь, почему в знаменателе стоит число 365?

– Ну, наверное, потому что в году 365 дней.

– В году, конечно, 365 дней, но смею предположить, что число 365 стоит в знаменателе по другой причине. – Миша с недоумением посмотрел на меня, подумал и сказал: «Сдаюсь».

– Почему-то я думаю, что числитель делится на 365 нацело. Похоже? – засмеялась я.

– Похоже, – согласился Миша.

– Ну так теперь давай думать, может ли в ответе быть 1.

– Нет, – закричал Миша, – в числителе 5 чисел, и все больше или равны 100, 3 – тоже не может быть в ответе, так как сумма слагаемых в числителе меньше 1000. Значит, в ответе – 2. Я правильно догадался?

– Молодец, давай теперь считать. Сосчитай сначала сумму первых трех слагаемых.

Мишка пыхтел, пыхтел, но с третьей попытки все же сосчитал – 365.

– А теперь считай сумму оставшихся двух слагаемых. Считай честно.

– Здесь тоже 365 получается, – немного подумав, сосчитал Миша. – Как интересно: $10^2+11^2+12^2=365$ и $13^2+14^2=365$.

– Такие курьезные ситуации принято называть магией чисел. В числах есть своеобразная красота, гармония. Это заметил еще Пифагор. Жалко, что не каждому удастся ее почувствовать. Ты – почувствовал, и поэтому ты вдвойне молодец. А теперь я расскажу тебе, как этот пример легко сосчитать устно. Ты помнишь, чему равен квадрат суммы двух чисел?

Миша бодро ответил.

– А теперь запиши слагаемые так: $10^2 = (10 + 0)^2$, $11^2 =$

$(10 + 1)^2 \dots$

– Я все понял, – сразу схватил суть Миша. – Можно только я чуть-чуть запишу на доске?

Я разрешила.

– Здорово, – пришел в восторг Миша, – и совсем просто.

Время урока пролетело быстро. Миша схватывал все на лету. Интересных примеров я знала великое множество, поэтому, можно сказать, прекрасно провела время.

После обеда каждый был предоставлен сам себе. Я еще раз сходила на реку и искупалась, затем взяла детектив и с удобством устроилась на лужайке в теничке. Со своего места я увидела, что Миша слоняется по усадьбе один без дела. Он немножко покидал шишки в деревья, потыкал палкой в муравейник, помешал той же палкой грязь в луже. Я подошла к мальчику и предложила поиграть в мяч или бадминтон.

– А у меня нет ни мяча, ни бадминтона. Я бы на велосипеде покатался, но его у меня здесь тоже нет, – пожаловался Миша.

– Чего же ты делаешь целыми днями?

– На компьютере играю.

Я знаю много игр на свежем воздухе, но все они командные, а Миша был один. Пришлось мне вместе с ним бегать, ходить на полусогнутых, прыгать на одной ножке. Довольно быстро я притомилась.

– А ты здесь шалаш строить не пробовал? Как ты думаешь, дядя разрешит? – спросила я.

– А что такое шалаш?

Бедный ребенок не знал, что такое шалаш. Вероятно, если он и отдыхал на природе, то только в комфортабельной палатке с сортиром. Я объяснила, что такое шалаш. Миша пришел в восторг и с энтузиазмом принялся за работу. За строительством шалаша нас и застал Немчинов. Поинтересовался, что это мы тут делаем. Я решила принять огонь на себя и еще раз объяснила, что такое шалаш. Я пожаловалась, что у ребенка нет никакого инвентаря для игр на улице и что я решила таким вот образом развлечь его. Немчинов критически осмотрел результаты наших трудов и вынес вердикт, что со строительной точки зрения они несостоятельны. По его мнению, наше произведение должно было развалиться просто от дуновения ветра. Я набралась наглости и попросила:

– Ну так подскажите, что надо исправить.

К моему великому удивлению Немчинов принес из сарая несколько палок, приладил их в нескольких местах в качестве подпорок, потолкал остов шалаша в разных направлениях и сделал вывод, что теперь получилось надежно. Повернулся и пошел к дому. Правда, сделав несколько шагов, вернулся и попросил меня составить список вещей, которые надо купить Мише. Наглость была моим основным оружием в этом доме, поэтому я спросила:

– А Мише нельзя поучаствовать в покупках?

Вадим Витальевич подумал, видимо, в душе трижды проклял день, когда нанял меня учить Мишу.

– Можно, думаю, завтра после обеда мы сможем съездить в универмаг. Но я бы предпочел, чтобы вы тоже сопровождали нас. Ваше мнение может оказаться полезным. – Естественно, я согласилась.

– Вот это да, – удивился Миша, – я думал, что дядя Вадим сейчас все разломает, а он еще и в магазин съездить обещал. Раньше дядя веселый был, они с папой все время смеялись и всякие игры придумывали, а потом он влюбился в одну дуру – Жаклин, потом они поссорились, и дядя стал занудой. Дедушка и папа его все время ругали, говорили, что надо жизни радоваться, пока он молодой. Дедушка считает, что дядя в Россию уехал, чтобы от него и от папы отвязаться.

Мне информация о прошлом Немчинова, особенно о его несчастной любви, была ни к чему. Хочет страдать, пусть страдает. Поэтому я решила переключить Мишу на другую тему:

– Видишь, жизнь налаживается, завтра купим тебе все, что нужно для нормальной жизни, глядишь, и с дядей отношения улучшатся. Идем ужинать, потом список покупок будем составлять.

Сосновск. Николай

Ситуация с Валентиной меня, откровенно говоря, сильно волновала, поэтому, не откладывая в долгий ящик, я решил встретиться с начальником охраны Немчинова – Павлом. Пашка оказался нормальным мужиком, мы с ним пивка попили и скорешились. По словам Павла, охраной то, что

было у Немчинова, можно назвать с большой натяжкой. Пару человек сидит в будке рядом со шлагбаумом, куда на компьютер выведена картинка с двух камер наблюдения, которые просматривают только площадку рядом с домом. На территорию усадьбы можно попасть не только через главные охраняемые ворота, но и через задние, никем не охраняемые ворота, перейдя речку вброд и поднявшись по белой лестнице. По словам Павла, он устал говорить графу (тут все зовут Вадима Немчинова графом), что охрану нужно серьезно усилить. Граф каждый раз соглашается с Павлом, но дальше разговоров дело не идет. Помощник графа, некий Игорек, поет ему на ухо, что охрана усадьбы – это пустая трата денег, мол, ситуация в городе совершенно безопасная. Кто такой Игорь и как он появился рядом с графом, Павел не знает, но пробить его по моим каналам рекомендовал настоятельно. Еще подозрительным ему кажется разнорабочий Семен, уж очень он старается, чтобы камеры не запечатлели его протокольную рожу. Мы договорились, что Пашка попытается получить отпечатки пальцев этого Сени, не исключено, что у него уже были ходки в места не столь отдаленные, а имечко он себе предусмотрительно мог изменить. Тогда действительно в усадьбе пахнет порохом.

О самом графе Павел отзывался хорошо. Честный, порядочный мужик, только, как все творческие люди, с придурью. Задумается о чем-то о своем, о девичьем, и не замечает ничего вокруг. На женщин не смотрит. Домоправительница

Варвара из кожи вон лезет, хочет понравиться, а граф ее в упор не видит. О Вальке со Светкой Павел ничего путного сказать не смог, они только-только приехали. Судя по всему, Пашка на Светку глаз положил. Хороша девка, спору нет, только, как граф, с придурью, начнет стихи читать и остановиться не может. А у меня от стихов зубы болеть начинают, блин, только вспомнил, и уже заболели. Под конец встречи я с Пашки слово взял, что с Вальки со Светкой он глаз не спустит, они у нас золотой фонд нации.

Сам я решил прокатиться в коттеджный поселок. С чего-то надо начинать. Где самое сладкое место для воровства? Ясное дело – на стройке. Главное правило при расследовании – не доверять никому. По этой причине по умолчанию принять, что граф не участвует в возможных мошенничествах, я не могу, хотя и считаю это крайне маловероятным. Скорее его именем местные воротилы творят многочисленные безобразия, причем наверняка позаботились и о том, чтобы в случае чего подставить графа. Мне вспомнился Виталий Петрович, жаль, если ему придется пережить еще одну трагедию.

Моя рабоче-крестьянская рожа позволяет мне появиться на стройке в качестве соискателя неквалифицированного рабочего места. Вместе с тем во Франции я приобрел некоторый лоск, поэтому в соответствующем прикиде могу сойти и за желающего купить коттедж. Я выбрал второй вариант.

Первая очередь коттеджей уже построена и заселена, по-

этому, естественно, любой новый покупатель должен осмотреть готовые дома и пообщаться с жильцами. Общение всегда открывает широкие возможности для детектива. Я взял напрокат крутую тачку и поехал в поселок. Я слышал много разговоров, что Немчинов талантлив, но не ожидал увидеть того, что увидел. Весь поселок был построен в одном стиле, но каждый дом был особенным. Все природные особенности ландшафта были артистично обыграны, поэтому просто хотелось постоять посреди улицы и крикнуть: «Лепота, чтоб я так жил!». Но время – деньги, и я пошел посмотреть на строящуюся вторую очередь коттеджей. Стройка шла полным ходом. За ней от нечего делать наблюдал сидящий на лавочке пенсионер. Вот это находка для шпиона! Я тоже присел на лавочку и начал расспросы, мол, хочу купить коттедж, стоит овчинка выделки или нет, какое качество работ, и т. д., и т. п. Пенсионер, представившийся Иваном Никитичем, охотно отвечал, а потом позвал к себе пить чай. Иван Никитич уже почти год живет в коттедже и знает все обо всех. Для меня это большая удача.

Иван Никитич разлил чай, угостил вареньем и печеньем, а потом и говорит:

– Капитан, я тебя давно жду.

Так быстро спалиться мне еще не приходилось. Видимо, все мои чувства отразились на физиономии, так как Иван Никитич засмеялся и подбодрил меня:

– Капитан, я почти 50 лет в органах проработал, еще в

СССР в ОБХСС трудился, знаешь такую организацию? Я своего по взгляду сразу определить могу. Ты вот думаешь, я просто так на лавочке сижу, от нечего делать. Мастерство не пропьешь. Я каких только безобразий не зафиксировал. Только кому сейчас это нужно, сейчас же беспредел, кради сколько хочешь. Если ты честный человек – поделюсь знаниями, если же ты чужой бизнес помогаешь оттяпать – я тебе не помощник.

Я выдал свою легенду: работаю частным детективом, изучаю обстановку на стройке по просьбе отца Вадима Немчинова. Работать по Немчинову только начал, пока не понимаю, что к чему, а главное, что за человек сам граф. Иван Никитич задумался.

– Ладно, примем твои слова за рабочую версию. Непонятно только, почему папаша вдруг сейчас сыном заинтересовался, бизнес-то у графа здесь уже давно.

– Старшего брата Вадима и его невестку недавно убили, племянник графа остался сиротой, вот дед и волнуется.

– Правильно делает, что волнуется, и правильно, что расследование начал. Нечисто здесь. Только с чего вдруг брата графа убивать. Он здесь с какого бока?

– Сейчас просто отрабатываем все версии.

– Что могу сказать. Насколько я понимаю, граф – человек со стороны, во Франции вырос, тонкостей ведения бизнеса у нас не понимает, отдал все на откуп мошенникам, а они мало того, что его обкрадывают, не приведи Господи, еще и под-

ставят по полной. Поэтому смотри в оба, капитан. Некоторое время назад, когда еще наши коттеджи строились, у некоторых хозяев вышли нелады со строителями, отступления от плана были. Люди вышли на графа, он приехал, очень внимательно все обсмотрел, причем не только в тех домах, откуда жалобы были, но и в соседних. Мало того, что заставил строителей все замечания учесть, да еще своих добавил. Игорек, помощник Немчиновский, потом перед всеми хвостом мел, лебезил, вроде как из кожи вон лез, чтобы все было сделано, как надо. А потом, примерно через месяц, у всех, кто жаловался, что-то нехорошее случилось. У одних по всей машине гвоздем известные слова нацарапали, у других – только что посаженный сад изломали, в третьих кто-то камнем запустил. С тех пор вроде как все довольны. Так что разбирайся, капитан, и начинай с Игорька, а я, чем могу, помогу.

Три года назад. Игорь

С Жаклин мы познакомились на Лазурном берегу. Как-то так вышло, что мы сразу же выделили друг друга из толпы. Жаклин не отягощена комплексами, поэтому первую же ночь мы провели вместе. Сначала нас связывал только секс, но довольно скоро мы ощутили и родство душ: и Жаклин, и мне кроме секса нравились ничегонеделанье и деньги, которые падают с неба максимум в результате шевеления мизинца на левой руке. Для Жаклин вопрос денег решался просто: надо было найти богатого и глупого мужа. Глупого, что-

бы не заморачиваться разборками с мужем по поводу многочисленных любовников. Мне было сложнее. Конечно, теоретически я могу найти себе богатую жену. Но я пожил на свете достаточно, чтобы понять: женщины с деньгами – или стервы, или извращенки, или давно вышли из детородного возраста. Я мечтал найти работу, чтобы получать много, а делать – мало. По диплому я архитектор. Но это только по диплому. Я ненавижу свою специальность и, откровенно говоря, ничего толком в ней не понимаю, вся учеба пролетела в похмельном чаду. Кое-какие средства у меня были, поэтому вопросы курсовых проектов, диплома решались очень просто. Слава богу, у нас хватает бедных. Моя мечта – найти талантливую олуха, который бы работал день и ночь, а я стал бы посредником между полетом его фантазий и реалиями нашей жизни. Что-что, а договариваться с нужными людьми я умею. Связи кое-какие тоже есть. Нарушать Уголовный кодекс я не хочу, хочу спокойно жить и иметь некоторый процент от воплощения фантазий гения в жизнь. Я поделился планами с Жаклин, она их одобрила и вызвалась помочь с поиском олуха. Правда, потребовала процент от процента. Ну что ж, делиться надо.

Жаклин легко знакомилась с людьми, она прекрасный психолог. Кроме того, ее актерское мастерство тоже на высоте, почти такое, как у наших народных. То она женщина-вамп, то – Гаврош, то – кисейная барышня. Жаклин никогда не ошибалась. Она всегда вела себя так, как нравилось

человеку, с которым она хотела установить контакт.

Жаклин честно отрабатывала свой будущий процент. Она таскала меня по бесконечным тусовкам, благо на Лазурном берегу недостатка в них не наблюдалось. Мы обычно приезжали вместе, потом я шел в бар или флиртовал с местными красавицами, а Жаклин «просвечивала» присутствующих на предмет возможного использования в своих и моих целях. Она называла это просеиванием песка в поисках золота. К сожалению, время шло, песка было море, а золота почему-то не наблюдалось. Откровенно говоря, я стал сильно сомневаться в успехе нашего предприятия, тем более что деньги подходили к концу и тусовки стали терять для меня свою привлекательность.

И вот настал день, который я считаю историческим. Жаклин прибежала ко мне с криками: «Есть!». Одна из подружек Жаклин сообщила ей по телефону, что сейчас в Йере в собственном доме отдыхает некое семейство с фамилией Немчинофф. Они потомки русских эмигрантов, приехавших во Францию еще до революции. Глава семьи Немчинофф входит в десятку лучших юристов Франции и имеет солидное состояние. Его старший сын с женой – историки, а вот младший, неженатый сын Вадим, – архитектор. Он владеет сравнительно молодым, но процветающим архитектурным бюро.

Вадим по всему прекрасно подходил для моей цели. Если опустить длинные, цветастые и уничижительные определе-

ния характера Вадима, которыми наградила его подруга Жаклин, в сухом остатке оставалось, что молодой Немчинофф обычный ботаник.

Мы сейчас же отправились в Йер. Надо сказать, город мне не понравился, слишком провинциальный, совсем не место для миллионеров. Но выбирать не приходилось. Теперь мне, а не Жаклин надо было проявить способности психолога и артиста. Я «случайно» столкнулся с юристом на улице и извинился по-русски, тоже как бы случайно. Юрист назвался Виталием Петровичем и признался, что ему очень приятно поупражняться в русском языке. Слово за слово, и я был приглашен на обед в немчиновскую резиденцию. Надо сказать, она была скромной, но в обстановке был замечен изысканный вкус. Для меня все было слишком красивым, слишком благородным, слишком строгим. Я бы к этой обстановочке прибавил фотки голых девочек. Вот тогда было бы еще ничего. Вслух я, конечно, восторженно отозвался об интерьере, по совету Жаклин я изображал из себя пай-мальчика. И не зря. Я узнал, в каком городе до революции проживали Немчиновы, а главное, удостоился внимания Вадима, который довел меня до головной боли своими рассуждениями об архитектуре. Подруга Жаклин была права, когда называла Вадима ботаником, кроме того, он был еще и порядочным занудой. Тем не менее выстрел Жаклин попал точно в цель. Найти второго такого олуха совершенно невозможно.

Мы долго обсуждали с Жаклин Вадима и пришли к выво-

ду, что он идеально подходит для моих целей, но в качестве возможного мужа Жаклин... Кандидатуру Вадима, конечно, можно рассматривать, но все же стоит еще немного осмотреться вокруг, вдруг попадется вариант получше. Уж слишком традиционные ценности царили в семействе Немчиновых, правда, и денег у них куры не клюют.

Имение Немчиновых. Валентина

За ужином произошел очередной пердюмонокль. Был бы у меня дар, написала бы юмористический рассказ. Немчинов ведь уже тридцатник разменял, а жить с людьми и общаться не научился. Сначала он молча ел, уставившись в тарелку, а потом спохватился и спросил у Миши, как прошли занятия.

– По русскому – не очень, в диктанте 43 ошибки сделал, но Светлана Леонидовна говорит, что ее ученики еще больше ошибок делают. А по литературе мне Светлана Леонидовна про Пушкина рассказывала. Знаешь, дядя, она всего Пушкина наизусть знает.

– А из «Пира во время чумы» что-нибудь прочитать можете? – мне показалось, с подвохом спросил Немчинов.

– Легко, – ответила Светка и прочитала известную песнь Председателя.

– Вот это да, – начал восторгаться Миша. – «Есть упоение в бою...», а дедушка меня только про кота ученого учить заставлял.

Дядя, а ты наизусть что-нибудь знаешь?

– Пожалуй, тоже только про кота ученого, – буркнул Немчинов и покраснел.

– А Вы фильм Швейцера «Маленькие трагедии» смотрели? Очень советую. Если любите настоящую русскую литературу, получите удовольствие, – Светка, как ни крути, была большой любительницей своего предмета.

Игорь, по-видимому, решил понизить культурный уровень беседы и спросил:

– А как там по математике?

Тут Мишка показал себя во всем блеске. Он решил проэкзаменовать дядю и стал задавать те же самые вопросы, что задавала ему я. Конечно, про Богданова-Бельского Немчинов слыхом ничего не слыхал. В Сорбонне или где он там учился, явно такому не учили. Сначала все было ничего, но когда Немчинов сморозил, что 365 стоит в знаменателе, потому что в году 365 дней, радости Миши не было предела. Он предложил дяде подумать как следует. Немчинов начал краснеть, сначала побагровела шея, затем уши, и наконец, мне показалось, что даже волосы у него порозовели. Видимо, ничего путного придумать он не смог. Я попыталась смягчить ситуацию, но Миша закричал, что так нечестно, что он сам все объяснит дяде. И надо сказать, сделал это с блеском. Как учитель я была довольна, но начала сильно опасаться, что долго в усадьбе меня терпеть не будут.

Я очень удивилась, когда после ужина Немчинов предложил посмотреть «Маленькие трагедии». Светка с Игорем

вежливо отказались, они хотели погулять, а мне делать было нечего, и я решила посмотреть фильм еще раз. Немчинов-старший начал смотреть фильм со снисходительной улыбкой, но очень быстро увлекся и не отрывался от экрана, пока не кончилась первая серия.

– Талантливо, – пробурчал он, – завтра досмотрим, – и ушел к себе.

Мы с Мишей составили примерный список покупок, потом поиграли в шахматы. В этот раз ничья была честной. В 10 часов Немчинов опять возник на пороге и прогнал Мишу спать. Меня он опять попросил задержаться.

– Мне бы хотелось, чтобы вы поставили меня в известность, какие задачи собираетесь давать Мише. Еще раз в роли болвана мне выступать не хочется.

– Зря вы так это воспринимаете. Благодаря вам Миша еще раз повторил все то, что я ему рассказывала, еще раз вспомнил алгебраические формулы, которые на самом деле довольно скучны. Примерно неделю я хочу позаниматься с ним не столько школьной программой, сколько поработать с задачками, которые пробуждают интерес к предмету. Собираюсь познакомить его с апорией Зенона. Ребятам очень нравится искать ошибку в рассуждениях, доказывающих, что Ахиллес не может догнать черепаху. Потом хочу еще рассказать про Пифагоровы штаны, которые на все стороны равны. – Я улыбнулась.

– Что это еще за Пифагоровы штаны?

– Конечно, это сленг, мы так называем одно из доказательств теоремы Пифагора.

– Чувствуется, что у вас есть опыт, для меня это сложно. Держите меня в курсе, – попросил Немчинов, пожелал спокойной ночи и ушел.

Сосновск. Николай

Мне, конечно, сильно повезло с Иваном Никитичем. Но что я извлек из разговора с ним? На стройке воруют. Я бы очень удивился, если бы там не воровали. Пока никаких зацепок. Что общего между Сержем и стройкой? Ничего. Пожалуй, на мэра или его охранника дорожка, может, и выведет, но не сразу, придется поработать. Перво-наперво надо познакомиться с компьютером Игорька. Я не бог весть какой хакер, но надеюсь, что и Игорек не Эйнштейн. Я решил навестить квартиру немчиновского помощника. Адресок я уже пробил. Я поехал, убедился, что Игорек отдыхает в ресторане с девочками и, никем не замеченный, пробрался в личные апартаменты моего подследственного. Ну и квартирка, явно не граф ее обставлял. Всюду журнальчики для мужчин, внушительный бар, а в тумбочке у огромного сексодрома – пачки презервативов. В общем, не мальчик, а милый шалунишка, правда, легкомысленный. Компьютер не запаролен, пароль у почты простенький. Сразу бросилось в глаза, что на диске полно порнухи. Разглядывать ее времени и желания у меня нет. Я по-быстрому все себе с диска переписал,

прослушку поставил, хотел уже домой ехать, но передумал, решил еще чуть-чуть в письменном столе пошмонать. И не напрасно, нашел документы на многочисленные вклады. Все перефотографировал и поехал домой изучать Игоряшины творения более внимательно. Все номера счетов я отправил наверх, пусть ребята трудятся, не все же время мне одному отдуваться. Заодно запросил разрешение на контакт с Иваном Никитичем. После чего решил, что заслужил немножко личной жизни. Манька моему звонку явно обрадовалась, но что скучает без меня, не сказала. Я в отместку тоже не стал в красках расписывать свою любовь, сделал вид, что по делу звоню. Манька посетила Виталия Петровича, разжилась списком контактов Сержа и теперь последовательно приглашала их в дом Виталия Петровича для беседы, в общем, служила Арчи Гудвином при Ниро Вульфе. Сначала ее такой поворот дел раздражал, она, естественно, считала, что опросить знакомых Сержа вполне способна сама. Но, послушав первые беседы Виталия Петровича с «подследственными», Манька прониклась уважением к старшему Немчинову. Он оказался асом в своем деле. Манька рассказала, что ходит в дом Немчиновых, как на мастер-классы. После того как очередной подследственный уходил, Виталий Петрович всегда объяснял Маньке, почему он задавал те или иные вопросы, причем в той или иной последовательности. По результатам каждой беседы Виталий Петрович с Манькой составляли небольшое резюме. К сожалению, только толку от бе-

сед с друзьями Сержа не было никакого. Манька смеялась над чудиками-историками, которые лучше знали, что было тысячи лет назад, чем то, что происходило рядом с ними с Сержем. Ни о каких финансовых проблемах они не слышали. Иногда, конечно, Серж напускал на себя таинственный вид и обещал достать деньги на очередную экспедицию, но никто в это серьезно не верил. Жизнь шла как обычно. Лекции в университете, встречи в обществе любителей древностей, ужины в кафе и ресторанах. Больше ничего. Про впечатления Сержа о поездке в Россию все рассказывали одно и то же. Во-первых, Серж говорил, что за десять дней пребывания в России не увидел ни одного медведя; во-вторых, что в Сосновске очень много снега и можно вставать на лыжи прямо у дверей дома; в-третьих, что Вадим отстроил для семьи Сержа такие шикарные апартаменты, что летом, когда вся семья поедет в Сосновск, он каждое утро будет выходить на крыльцо в халате, будет выставлять вперед пузо и изображать богатого барина.

Под конец разговора Манька все же чуть-чуть помурлыкала и припомнила несколько историй, которые касались только нас двоих. Я в долгу не остался.

Три года назад. Игорь

Не без сожаления я расстался с Жаклин и вернулся на Родину. Она встретила меня серым, холодным дождем и сильным ветром. После яркого Лазурного берега все смотрелось

очень угрюмо: холод, лужи, серо-черная толпа людей на улицах. Я дал себе слово не расслабляться и поехал в родной город Немчиновых. Гостиница оказалась лучше, чем я мог предположить, хотя налет провинциальности был хорошо заметен. Городок ничем не отличался от большинства старых российских провинциальных городков: центр города с церковью, домами, не ремонтировавшимися в течение последних ста лет, торговыми рядами, рынком и шикарным зданием мэрии.

Первым делом я пошел в краеведческий музей. Кому сказать бы из моей тусовки, ни один не поверит. Только я вошел в музей, ко мне сразу же прицепилась местная экскурсоводша. Видимо, посетители появляются в музее не чаще одного раза в год, остальное время весь персонал страдает от безделья. Внешность у меня заметная, поэтому интерес экскурсоводши я посчитал оправданным. Она тоже была ничего, поэтому я без колебаний распустил хвост и сразу же пригласил ее вечером в ресторан скрасить мое одиночество. Я понял, что мы оба надеемся на продолжение ужина в моем номере, поэтому, не стесняясь, вытащил из девицы всю интересовавшую меня информацию. Наденька даже согласилась съездить со мной на место, где когда-то было имение Немчиновых.

К счастью, днем выглянуло солнце, и наша поездка прошла не без удовольствия. Имение Немчиновых располагалось в красивейшем месте. Стояла ранняя осень, и даже та-

кой циник, как я, не мог не залюбоваться окрестностями. Перед домом или тем, что осталось от дома, была заросшая лужайка, по бокам которой шумел лес. Лес состоял в основном из сосен, но были и лиственные деревья, которые были окрашены во множество желто-красных оттенков. Экскурсоводша показала, что чуть дальше за лесом располагается обрыв, по дну которого течет река Сосновка. Бережок у реки песчаный, то есть летом здесь можно купаться с большим удовольствием. Я специально захватил с собой крутой фотоаппарат, запечатлел все, причем с самых лучших ракурсов. Я понимал, что для Вадима особый интерес представляет дом, поэтому сфотографировал его с разных сторон. Наденька рассказала, что после революции в доме была коммуна для беспризорников, потом больница, потом склад. Во время перестройки денег на ремонт дома не оказалось, поэтому он довольно быстро обветшал, и, в конце концов, двери и окна в дом заколотили, чтобы бомжи не устроили пожар. В конце поездки я взял слово с Наденьки, что завтра она достанет мне копию дореволюционной карты, на которой обозначены границы имения, и, закончив дела, мы отправились в город навстречу развлечениям.

Большим достоинством Наденьки оказалось то, что она была дочерью советника по культуре мэра города. Свезло так свезло. Наденька потеряла от меня голову, поэтому достаточно быстро мне удалось встретиться с ее папашей. Я представился как представитель рода Немчиновых, которые жи-

вут во Франции и хотят вложить деньги в реставрацию усадьбы. Так ли это, я понятия не имел, но решил придерживаться такой легенды. Не знаю, Наденькин папаша просто больной на голову или, подозреваю, очень хитрый, но он целый час полоскал мне мозги перечислением исторических ценностей усадьбы. Дальше пошли сетования на то, что у государства на культуру средств вечно не хватает. Помощник мэра признался, что всегда ратовал за то, чтобы привлекать к реставрации памятников частный бизнес. Обидно, конечно, что усадьба будет принадлежать Немчиновым, а не народу, но в наш ужасный век это единственная возможность сохранить исторические ценности для потомков и еще много ляля-ля на эту же тему. Я совсем притух, советник, видимо, смекнул, что перегнул палку, быстро закруглил разговор и пообещал не позже, чем послезавтра, свести меня с ответственными людьми, уполномоченными принимать решения.

Я очень удивился, но меня принял сам мэр. У Пантелея Ивановича было типичное для местечковой элиты лицо. Хитрожопость вперемежку с самомнением, правда, фигура поджарая, чувствуется, что мужик не пренебрегает фитнесом. Пантелей Иванович не стал размазывать кашу по тарелке, а сразу приступил к делу. Он протянул мне бумажку с написанной на ней суммой с большим количеством нулей. Именно столько он хотел получить за бывшую немчиновскую землю и развалины дома.

– Не для себя беру, для народа, – заверил он меня. Сильно

растекаться по древу и разглагольствовать о страданиях народа он не стал. Увидев, что я шокирован написанной цифрой, засмеялся:

– Для Немчиновых это тьфу, заплатят и не обеднеют. Я немного про их финансы знаю. Ты-то чего хочешь? Говори, не стесняйся. Мы люди деловые, нам с тобой время на китайские церемонии тратить некогда.

Я изложил свой план. Немчиновы покупают усадьбу, я получаю свои комиссионные, а что происходит с остальными деньгами, меня не касается. Дальше я бы хотел стать управляющим реставрации усадьбы.

– И это все? – спросил Пантелей Иванович. У меня есть к тебе встречное предложение. Я хочу коттеджный поселок для народа построить, но такой, чтобы витриной для города служить мог, а то копают под меня, чувствую, что копают. Я архитектурное бюро Немчинова-младшего пробил, вроде как стоящие проекты делают. Мы чин чинарем конкурс объявим, Немчинов приз возьмет и подряд на строительство получит. А тут мы с тобой, ты мне с каждого кирпича прибыль обеспечишь. Но должен сделать все чисто, чтобы не подкопаться, чтобы на Уголовный кодекс можно было смотреть и смеяться. Лучше, если ты сразу обо всем с Немчиновым договоришься. Сумеешь договориться – банк сорвешь, не сумеешь – извини, других людей найдем.

Я немного поторговался с мэром относительно моего процента и ушел, довольный жизнью. Кажется, моя жизнь на-

лаживалась. Теперь надо было в приличном виде сообщить новости Немчиновым. Я выждал несколько дней, чтобы не обозначить свой интерес слишком сильно. Потом послал по мейлу Виталию Петровичу пару снимков усадьбы с небольшим письмом: мол, случайно проезжал мимо, вспомнил о вас, сделал пару снимков и шлю вам. Всего вам наилучшего. На следующий день пришло два ответа. Первый – пространственный от Виталия Петровича, в котором он выражал глубокую благодарность за полученные снимки, второй – деловой от Вадима, в котором он просил прислать не два, а все сделанные мной снимки, а также обозначить свой интерес в деле. Не такой уж он олух, все сразу понял и раскусил. Я не стал наводить тень на плетень, описал предложения мэра и свой интерес, особенно подчеркнул, что заинтересован в работе без нарушения Уголовного кодекса.

Я удивился, но через неделю Вадим оказался в Сосновске. Он заранее уведомил меня о своем приезде. Я думал, что он полностью окажется на моем попечении, но сильно ошибся. Вадим назначил мне встречу рядом с усадьбой. Я приехал немного раньше, не рассчитал время, но Вадим уже находился в имении, причем не один, а вместе с Анатолием Батищевым, богатейшим российским бизнесменом и личным другом губернатора. Я даже немного испугался, на такой уровень я не замахивался. Я сразу заметил, что Вадим с Батищевым были на «ты». Видимо, они хорошо знали друг друга еще в те времена, когда Батищев жил в Париже. Вадим

с Батищевым договорились о незамедлительном начале восстановления усадьбы силами строительного холдинга Батищева, проект восстановления Вадим обещал подготовить в самые кратчайшие сроки: основная идея организации пространства усадьбы уже сложилась у него в голове. Я очень удивился: ни Вадим, ни Батищев не поинтересовались ценой вопроса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.